

Профессор М. С. ИВАНОВ,
проректор МДА

ВЕРА: УВЕРЕННОСТЬ, ДОВЕРИЕ, ВЕРНОСТЬ

Если обратиться к Священному Писанию Ветхого Завета в русском переводе и попытаться определить, сколько раз в этом тексте встречается слово «вера», то мы будем весьма удивлены, найдя это слово всего лишь в одном месте — в 4-м стихе 2-й главы книги пророка Аввакума. Этот факт, казалось бы, находится в явном противоречии с тем, что нам известно о ветхозаветной вере и ее непреходящем значении в истории народа Завета. 11-я глава Послания апостола Павла к Евреям, где вера определяется как главная движущая сила Ветхого Завета, является подлинным гимном вере: «Верую Авель принес Богу жертву...; верую Енох переселен был так, что не видел смерти...; верую Ной... сделался наследником праведности...; верую Авраам повиновался призванию...; верую и сама Сарра... не по времени возраста родила...; верую в будущее Исаак благословил Иакова и Исава...; верую Иаков, умирая, благословил каждого сына Иосифова...; верую Иосиф при кончине напомнил об исходе сынов Израилевых...; верую Моисей, придя в возраст, отказался называться сыном дочери фараоновой...; верую оставил он Египет...; верую совершил он пасху...; верую перешли они Чермное море...; верую пали стены Иерихонские... И что еще скажу? Не достанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Сампсоне и Иеффе, о Давиде, Самуиле и (других) пророках, которые верую побеждали царства, творили правду, получали обетования...» (Евр. 11, 4, 5, 7, 8, 11, 20—22, 24, 27—30, 32, 33). Слово «вера» в одной только этой главе употребляется 23 раза, в то время как во всем Священном Писании Ветхого Завета в русском переводе — один раз!

Для объяснения этого довольно странного факта необходимо обратиться к библейскому и античному значениям слова «вера».

Чтобы понять, что представляла собой ветхозаветная вера, нужно учитывать не только то, что она была «источником и центром всей религиозной жизни» (1, 115), но и то, что она не была адекватна признанию существования Бога и имела своим основанием не Его бытие, а Его верность. Существование Бога (или богов) в то время почти не подвергалось сомнению. Тогда веровали все: одни в Бога Откровения, другие — в неведомого Бога (Деян. 17, 23), третьи — в языческих богов. Поэтому отрицавший существование любого бога вызывал у окружающих крайнее удивление и считался «безумцем» (Пс. 52, 2). Вера в Бога (т. е. признание Его) в то время была обычным явлением и почти не считалась добродетелью. Следует учитывать также и то, что древним семитам было более свойственно онтологическое познание, нежели рационалистическое признание. «Познать Бога» — этот первичный призыв, брошенный в сердце человеческое, развивается в Библии не в научной, а в жизненной связи. Действительно, для семитов «познавать» (евр. *yādā*) означает нечто выходящее за пределы отвлеченного знания и выражает некое экзистенциальное соотношение (т. е. укорененное в самом существовании). Познать нечто — значит изведать нечто конкретным опытом; так познаются страдание (Ис. 53, 3) и грех (Прем. 3, 13), война (Суд. 3, 1) и мир (Ис. 59, 8), добро и зло (Быт. 2, 9, 17); это реальное и ответственное включение себя в жизнь, вызывающее глубокие последствия. Познать кого-нибудь — значит вступить с ним в личные соотношения, которые могут принимать многообразные формы и достигать разных степеней» (1, 404—405)*. Однако всеобщее верование, т. е. признание существования Бога или богов, отнюдь не вело к всеобщему благочестию. Идолопоклонство в Библии прямо называется «блудодейством» (Ис. 34, 15 и др.). Бог

* Это замечание помогает понять и ряд мест Нового Завета, например: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32); или: «Сня есть жизнь вечная, да знают Тебя, Единого Истинного Бога и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17, 3).

ревниво ограждает от него Свой народ. Уподобляясь супругу, Он осуждает веру в иных богов и определяет этот грех не просто как заблуждение, но как неверность Ему. Но неверность Богу проявлялась в народе и при отсутствии идолослужения. Уверенность в существовании истинного Бога очень часто уживалась в израильском народе с поведением, в корне противоречившим тем требованиям, какие предъявлял к народу Сам Бог.

Всё это помогает понять, почему признание бытия Бога при определении ветхозаветного понятия веры не имеет решающего значения. В древнееврейских словарях с переводом на другие языки слово 'ēṭūpāh (вера) вообще не имеет таких значений, как «признание» или «убеждение». Более того, некоторые составители таких словарей, учитывая, насколько существенным является различие между ветхозаветным и современным понятиями веры, среди значений слова 'ēṭūpāh вообще не помещают слова «вера». Так, в еврейско-русском словаре О. Н. Штейнберга 'ēṭūpāh имеет следующие значения: верность, твердость, надежность, честность, истинность, правдивость (2, 31).

Слово 'ēṭūpāh происходит от глагола 'āpān — крепить, поддерживать, быть твердым, устоять, быть верным, доверять, верить, полагаться (2, 31—32).

Даже тому, кто не знаком ни со Священным Писанием Ветхого Завета, ни с религиозной жизнью древних евреев, нетрудно заметить, что как существительное 'ēṭūpāh, так и глагол 'āpān предполагают какую-то основу, на которую необходимо опереться в деле веры. Значения этих слов косвенно указывают и на то, что эта основа носит не рациональный, а нравственный характер.

Такой основой, как уже было указано, служила верность Бога. Бог — «твердыня; совершены дела Его, и все пути Его праведны. Бог верен, и нет неправды в Нем; Он праведен и истинен» (Втор. 32, 4). На такого Бога можно положиться, Ему можно довериться. «Он ли скажет и не сделает? Будет говорить и не исполнит?» (Чис. 23, 19). Его слово не может быть «тщетным» (Ис. 55, 11), Его обетования непреложны. Только на такой верности Бога могло покоиться непоколебимое доверие Ему, вырастающее впоследствии в веру — верность. Ветхозаветная символика уподобляет Бога скале, камню, на котором может безопасно созидаться жизнь как отдельного человека, так и всего народа. Это — «камень испытанный, красугольный... крепко утверждённый: верующий в него не постыдится» (Ис. 28, 16). Для того же, кто ищет для своей веры другую опору, этот камень — твердыня верности (Втор. 32, 4) — становится «камнем преткновенния и скалою соблазна» (Ис. 8, 14).

Символика камня переходит и в Новый Завет, но применяется уже не только по отношению к Богу и поэтому приобретает другие значения. «Живые камни» символизируют верующих, созидающих «из себя дом духовный» (1 Пет. 2, 5); апостол Петр — камень, на котором создана Церковь (Мф. 16, 18); исполняющий слова Христа подобен «мужу благоразумному, который построил дом свой на камне» (Мф. 7, 24).

Наряду с символической спецификой ветхозаветной веры помогает определить встречающаяся в библейских текстах символика супружества. Она — «не мифология, присущая религии Ханаана, где бог-супруг оплодотворяет землю, являясь по отношению к ней «Ваалом» (т. е. властелином и мужем)... Бог Израиля — Супруг от земли, а Своего народа» (1, 1145). Условием такого обручения является обоюдная верность ('ēṭūpāh) (Ос. 2, 20), а сам Союз — завет Бога и народа приобретает характер брака. Бог на протяжении всей истории Израиля оказывается верным Супругом, в то время как обрученная Ему невеста становится женой развращенной, блудницей, отказывающей своему Супругу в вере — верности (Ос. 2, 2—13). Такое своеобразие ветхозаветной веры позволило пророку Осии ввести новое понятие греха, согласно которому грех — «это уже не простое нарушение какого-либо правила, а неверность, отказ ответить на любовь» (3, 61).

Вера в ее современном понимании обычно противопоставляется неверию, заблуждению, в то время как в Ветхом Завете она противоположна неверности, обману. Поэтому хотя неверие Израиля иногда и называется в Библии «заблуждением», однако это — заблуждение не ума, а сердца. «Сорок лет Я был раздражаем родом сим и сказал: это народ, заблуждающий сердцем; они не познали путей Моих» (Пс. 94, 10). Религиозное «заблуждение (в Ветхом Завете.— М. И.) — не то же самое, что неведение, поиски вслепую, и даже не то же самое, что уклоны мышления, как это полагали греки. Его нельзя свести ни к ошибке человека, обманутого внешней видимостью (Быт. 20, 2—7), ни к неосведомленности, порождающей зло и неправду (Лев. 4, 2). Оно является прежде всего неверностью...» (1, 365).

70 толковников перевели древнееврейское 'ēṭūpāh словом *лотц*, которое имеет следующие значения: вера, доверие, убежденность, верность, уверение,

подтверждение, доказательство (4, 1319). Значения обоих слов показывают, что они не вполне адекватны друг другу. Слово *πίστις* среди своих значений имеет такие (отмечены разрядкой), каких нет у слова *ἔπιση* и какие придают вере характер рациональной достоверности. Объяснение этому следует искать в античном словоупотреблении. Этот термин в классическом греческом языке в религиозном смысле употребляется редко. Обычно он использовался для обозначения веры в существование богов (5, 794). Причем с таким содержанием термин вошел в употребление не сразу. Определенный период образования с *πίστ* — вообще не несли в себе никакого религиозного содержания. «Ни в каком смысле *πίστотόс* (верующий) не употребляется (в то время.— М. И.) для обозначения собственно религиозного отношения к Богу или религиозной позиции человека. Также и *πίστις* не является религиозным термином; самое большее можно сказать, что возможность для этого была предопределена тем, что *πίστις* в смысле полагания на может быть отнесено к божественным изречениям и что *πίστις* в смысле убеждения может иметь своим объектом и божество» (6, 180). Для того чтобы выразить «представление о наличии богов», в то время вместо *πίστις* использовали *νομίζεῖν* (признавать) (там же; 7, 160). Позднее «в дискуссии против скепсиса и атеизма» стали употреблять и глагол *πίστευεῖν* (6, 180). «Иногда, хотя и редко, *πίστις* (в классическом словоупотреблении.— М. И.) имеет значение «доверие к богам». Но это доверие есть просто признание того, что возвещало божество. В нем нет элемента упования и надежды на незаслуженный дар или милость божества... Грек не ждал и не верил, что божество снизойдет к его немощи, умилосердится над ним... Он и не мог ждать и верить в это при враждебном отношении божества к нему, требовавшего от него жертвы для своего умноствления только затем, чтобы не стереть его с лица земли. Вера грека была по преимуществу интеллектуальным актом (разрядка моя.— М. И.) и чужда момента личной беззастенчивой преданности божеству, упования на такую любовь, которая оправдывала бы нечестивого» (7, 160).

Итак, признание существования Бога или богов — «главнейший момент классического понятия веры» (там же).

Перед возникновением христианства появляются еще два понятия веры: у раввинов-талмудистов и у иудеев рассеяния. Первые придали вере законнический, юридический характер, заменив веру — верность Богу верой — верностью ветхозаветному закону, а сам закон сделав бременем жизни, мертвым грузом скрупулезных требований. Их фарисейская позиция по отношению к закону нарушила единство между ним и волей Божией и привела к противоречию между верой и законом. «Ветхозаветные пророки и псалмопевцы сказали бы, что между исполнением закона Моисея и верой в Бога нет никакого противоречия. Это — две стороны одной и той же медали. Но они согласились бы с апостолом Павлом, что, когда закон был превращен в фетиш, как это сделали в его дни фарисеи и экстремисты... послушание закону и вере стали различными вещами» (8, 73).

Иудей рассеяния, оказавшись среди враждебного им эллинистического мира, стремились укрепить основы своей веры. Вместе с тем они понимали, что там, «где цивилизация насквозь была пропитана эллинизмом» (9, 12), им не избежать влияния последнего. Поэтому они начинают интерпретировать ветхозаветное понятие веры «таким образом, чтобы сделать его понятным для греческого мышления. Такое понимание не служило в первую очередь к развертыванию миссионерской деятельности в эллинистическом мире. Скорее, оно должно было помочь иудейским общинам сознательно вести себя богоугодно и благодаря этому жить своей верой среди инакомыслящего мира. Посему понятие веры не употребляется в форме проповеди обращения, направленной к находящимся во вне» (10, 56). Синтез «между ветхозаветным преданием и греческим мышлением» (там же), к которому стремились иудеи рассеяния, соответственно привел к синтезу библейского и эллинистического понятий веры. При этом развиваемая иудеями аргументация нередко прибегала к помощи философии (1, 407).

Таков эволюционный путь, пройденный словом «вера», прежде чем оно было включено в христианскую лексику.

«Христианская религия, возникнув на границах восточного мира, начала распространяться прежде всего на Ближнем Востоке, ...где обиходным языком был греческий и где идеи, нравы, институты, вся культура были греческого происхождения» (9, 12). В отличие от иудеев рассеяния, стремившихся осознать свою веру через призму греческого мышления и этим оградить ее от соблазна эллинизма, христианство, в силу своей открытости окружающему миру, предлагает свою веру всем и каждому. Потому оно усматривает общечеловеческие ценности даже в религии од-

ного народа, т. е. в ветхозаветной религии. Так, в христианстве вера-верность Авраама освобождается от национальных рамок. «Необрезанный Авраам стал «отцом верующих» обрезанных евреев. А это значит, что его отцовство относится не к биологическому потомству, а к связи по вере... Поэтому, строго говоря, Авраам не был евреем (в том смысле, что он практиковал иудейскую религию)...» (11, 70—71). Следовательно, Авраам — отец всех верных Богу.

Христианству не было чуждо и эллинистическое понимание веры. Даже апостол Павел, «из рода Израилева, колена Вениаминова, еврей от евреев, по учению фарисей» (Флп. 3, 5), прекрасно знавший, что ветхозаветная вера — это верность Богу, тем не менее пишет: «Без веры угодить Богу невозможно, ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть» (разрядка моя.— М. И.) (Евр. 11, 6).

Здесь можно наблюдать интересное явление взаимообогащения ветхозаветного и новозаветного понятий веры. Правда, ἔμπιστος в силу того, что древнееврейский язык в то время перестает быть живым, разговорным, не употребляется в христианской литературе. Но в иврите среди значений ἔμπιστος мы встречаем не только уже знакомые нам «верность», «надежность», «честность», но и те, которых ветхозаветное ἔμπιστος не имело, а именно: «вера», «признание», «убеждение». Учитывая только что приведенное высказывание апостола Павла и другие новозаветные свидетельства, например, содержание 14—20-го стихов 2-й главы Соборного Послания апостола Иакова, а также упоминавшийся ранее синтез «между ветхозаветным преданием и греческим мышлением», можно прийти к безошибочному выводу, что слово ἔμπιστος, если бы оно осталось в употреблении, восприняло бы те значения, которых оно раньше не имело. В свою очередь, и слово πιστις обогатилось за счет слова ἔμπιστος, заменив его в греческом переводе Ветхого Завета и войдя в религиозно-богословское употребление в христианской Церкви. Наряду с ранее перечисленными значениями, которые оно имело в эллинистический период, слово πιστις приобретает теперь и новые: «доверие», «верность» (4, 1319), благодаря чему становится носителем глубокого смысла и большого богатства христианской веры, являющейся «функцией не какой-либо отдельной стороны духа, но всей человеческой личности в ее целостности, в нераздельной целокупности всех сил духа» (12, 28). Значительно возросший смысловой объем этого слова помогает правильно понять утверждение апостола Павла об уникальной ценности веры. «Лютеранская экзегеза видит (в этом утверждении.— М. И.) в основном веру-доверие: сознавая, что он останется сам по себе грешником, человек полагается на заслуги Христа, ожидая от Него «вменяемой» праведности. Это слишком большое ограничение павловского понятия веры, которое также ограничивается простым сведением его к интеллектуальному аспекту (принятию Откровения). Вера есть жизненная позиция, которая охватывает всего человека» (13, 140).

В русском церковно-богословском языке слово «вера» имеет различный объем понятий. Здесь оно «как носитель смысла не равно себе» (14, 31). В одних случаях оно употребляется в значении «уверенности» в существовании Бога, в других — «доверия» Богу, в третьих — «верности» Богу. Но в русском языке перечисленные значения существуют как самостоятельные слова, хотя и происходят вместе со словом «вера» от одного и того же корня. Это и вызывает неустойчивость смыслового объема слова «вера». Поэтому при употреблении оно обычно нуждается в дополнительном объяснении, например: «живая вера», «теоретическая вера», «слепая вера», «деятельная вера», «бессознательная вера», «секулярная вера», «твердая вера» и т. д.

Во избежание недоразумений в понимании библейского текста при переводе Ветхого Завета на русский язык ἔμπιστος, встречающееся в Библии 53 раза, за исключением лишь одного случая (Авв. 2, 4), нигде не переводится словом «вера». Это свидетельствует о том, что переводчики хорошо знали об особенностях ветхозаветной веры и соответственно об особенностях термина ἔμπιστος и учитывали их при переводе. Перевод ἔμπιστος словом «вера» в 4-м стихе 2-й главы книги пророка Аввакума вызван не смысловыми особенностями этого библейского текста. Дело в том, что слова этого стиха: *sadiyq be'ēmpīnāto yiheyeh* трижды были использованы в греческом переводе апостолом Павлом (Рим, 1, 17; Гал. 3, 11; Евр. 10, 38). В этих трех местах древнегреческое выражение *εἰς πιστεως* соответствует еврейскому *be'ēmpīnāto*, т. е., как и следовало ожидать, ἔμπιστος переведено словом πιστις. Здесь необходимо отметить очень важную особенность русского перевода слова πιστις, встречающегося в Священном Писании Нового Завета. Если, как уже было сказано, ветхозаветное ἔμπιστος, за исключением лишь одного случая, никогда не переводится на русский язык словом «вера», то новозаветное πιστις, за исключением лишь двух случаев (Рим. 3, 3; Тит. 2, 10), всегда переводится этим словом. Поэтому оно стоит и в указанной апостольской цитате из книги пророка Аввакума: «Праведный верою

жив будет». Такой вариант перевода этой цитаты и был использован при переводе Ветхого Завета на русский язык. Однако нет никакого сомнения в том, что «Аввакум употребляет слово «вера» в смысле «верности», подразумевая под этим то, что главным для людей является при всех испытаниях оставаться верным Богу и полагаться на Него» (8, 78). Следовательно, если бы переводчики не приняли во внимание новозаветного варианта перевода Авв. 2, 4, то они перевели бы это место так: «Праведный верностью жив будет». И тогда в русском переводе Ветхого Завета слова «вера» не было бы вообще.

В двух указанных апостольских текстах (Рим. 3, 3; Тит. 2, 10) πιστις переводится словом «верность». Как показал только что рассмотренный текст книги пророка Аввакума, использованный апостолом Павлом, πιστις и в других подобных случаях должен быть переведен этим же словом, например, когда апостол Павел в Послании к Римлянам неоднократно упоминает о вере (т. е. верности) Авраама.

Перечисленные замечания о вере носят преимущественно терминологический характер и почти не касаются вопросов богословия веры. Однако без их учета решение таких вопросов не может быть успешным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь библейского богословия / Под ред. К. Леон-Дюфура. Брюссель, 1974.
2. Штейнберг О. Н. Еврейский и халдейский этимологический словарь к книгам Ветхого Завета. Вильна, 1878, т. 1.
3. Буйе Л. О Библии и Евангелии. Брюссель, 1965.
4. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958, т. II.
5. New Catholic Encyclopedia, t. V.
6. Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament. Begründet von Gerhard Kittel. Stuttgart, t. VI.
7. Мышцын В. Учение св. апостола Павла о законе дел и законе веры. Сергиев Посад, 1894.
8. Нейль Уильям. Толкование Послания к Галатам святого апостола Павла. Машинописный перевод с англ. (Из серии «Кембриджские библейские толкования»).
9. Введение в Библию / Под ред. А. Робера и А. Фёйе. Т. II. Новый Завет. Турне, 1959.
10. Лозе Э. Вера в богословии апостола Павла.— Журнал Московской Патриархии, 1982, № 8.
11. Бест Эрнст. Толкование Послания к Римлянам святого апостола Павла. Машинописн. перевод с англ. (Из серии «Кембриджские библейские толкования»).
12. Булгаков С. Свет Невечерний. Сергиев Посад, 1917.
13. Павловский корпус (Л. Серфо и Ж. Камбье), секция II. Машинописн. перевод.
14. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.